

СВЕТЛЯЧОК

24.08.2012

№9 (17) Август 2012 года

• КАБЛУКОВСКАЯ РАДУГА ВОЗВРАТИЛИСЬ С «КАБЛУКОВ»

Каблуковские литературные встречи, как всегда в первые выходные июля, собрали в свой круг поэтов из разных городов и весей нашей большой страны. Преобладающее число – 61 поэт – прибыли на фестиваль из Твери и области. Впрочем, Москва и Московская область отстала от хозяев праздника немного: 52 участника приехали оттуда. Были представители Нижнего Новгорода, Новосибирской области, Смоленска, Костромы, Самары, Калуги, Братска, Санкт-Петербурга, Ярославля, Тулы, Ухты, Чебоксар.

Три дня длился поэтический праздник. Стихи звучали со сцены (с маленькой – в Каблукове, с большой – на турбазе «Волжанка»), на мастерклассах, в перерывах.

В этом году в работе поэтического фестиваля принял участие секретарь Союза писателей России, член международной ассоциации журналистов Н. В. Переяслов. Трое участников «Каблуковской радуги» были рекомендованы им в члены Союза писателей.

Из Андреапольского района в конкурсе приняли участие три автора: Маргарита Петрова, Нина Шандаевская (оба – Андреаполь), Дмитрий Попов (д. Жуково – Москва). Несмотря на то, что двое последних участников в Каблукове были впервые, дебют их стал удачным: стихи их поместили в Сборник стихотворений «Здравствуйте». Стихи М. Петровой, многолетней участницы поэтического фестиваля, вошли и в Сборник, и в Альманах.

Но самое главное, что наши земляки привезли оттуда, это чувство товарищеской поддержки и желание дальше работать над словом.

* * *

Земля одета в белорунье,
Лежат сугробов валуны.
Недавно было полнолуние,
А нынче только пол-луны.

Она стареет, убавляется,
Теряет вес, теряет рост,
Но до рассвета наслаждается,
Как я и ты, цветами звёзд.

Так снег блестит на пожнях родины,
Так лён цветёт, простите, цвёл,
Где до сих пор следы Володины
Хранит земелька бывших сёл.

Пока душа во мне шевелится,
Пока любовь во мне жива,
Не раз на поженки постелются
Стихов живые кружева.

Владимир Львов,
с. Каблуково

На снимках: андреапольцы с В.И. Львовым (вверху); официальное закрытие праздника (внизу).

Материалы с фестиваля на стр. 3-5

• Как молоды мы были

Вода струилась за бортом

Летними вечерами, возвращаясь из магазина «Астек», нередко наблюдаю распивающих спиртное на крылечке поблизости молодых ребят. Смех, грубая ругань. И так становится жаль их, убитого ими впустую времени. Вспоминаю, как проводили время в их возрасте мы. Расскажу только об одном событии.

Год точно не назову, было это в начале 70-ых, меня пригласили принять участие в пятидневном походе по нашим рекам и озёрам. Идти собирались к истоку Западной Двины. Организатором был Василий Александров, он и набирал основную команду. Как руководитель авиамодельного кружка при районном Доме пионеров он включил в команду двух своих помощников: Владимира Дмитриева и Александра Бикса, работавших в леспромхозе, и трёх мальчишек школьников, членов своего кружка. Имена и фамилии ребят, к сожалению, в памяти не остались.

Для организации быта пригласили и нас, девушек: Любу Михайлову и Надю Черкасову, работавших на хлебокомбинате, и меня, лаборанта маслозавода. Нужно же было кому-то заботиться о питании и прочем. Все мы были комсомольскими активистами.

Поход оказался очень интересным, но нельзя сказать, что легким. Основной наш путь пролегал по воде, но были места, где лодки приходилось перетаскивать волоком по суше. Продукты мы закупили заранее, что-то покупали в деревнях у жителей. Но случилось и так, что, не рассчитав со съестным, в деревню прибывали к ночи. Где что брать? Был случай, что картошку добывали на месте, проще говоря, выкопали несколько кустов на одном из деревенских огородах. Было стыдно и страшно, но хотелось есть. К тому же, надеялись, что от той малости, которую мы взяли, хозяева не пострадали. Огород был большой, тянулся от дома к самому озеру, где мы чуть-чуть и похозяйничали. И даже сегодня мне хочется попросить прощения у тех хозяев, чья картошка выручила нас, уставших и голодных, и сказать им спасибо.

Ночевали в палатках, как настоящие туристы. Нас доставали комары и мошки всех сортов и размеров. Мазь, припасённая в городе, как-то быстро закончилась. Потом к гнусу привыкли, как и он к нам.

Но зато как было весело! Шутили, смеялись. Мальчишки мчались за лодками на водных лыжах. Иногда переворачивались. И опять шутки, смех! Заканчивались такие падения благополучно. Мы так быстро сдружились, хотя были разного возраста и раньше не знали друг друга. В походе мы были одинаковы. Наши мальчишки школьники выросли на глазах, и уже мы у них чему-то учились. Мы стали ровней друг другу. Особенно было интересно нам, девчонкам. В такой поход мы попали впервые. Теперь я понимаю, что были мы совсем юными, каждой чуть за двадцать, но тогда мы считали себя взрослыми и ответственными.

Если в деревнях были достопримечательности, мы их тоже осматривали. Помню, что фотографировались возле церкви. Это было время безбожное, но, вероятно, церковь нас заинтересовала, как красивое строение, как памятник старины.

Но всё имеет свой конец, закончился и наш поход. Мы вернулись домой загорелые, обветренные, искусанные комарами, но счастливые и одухотворённые.

Там я впервые встретила со своим будущим мужем.

Эльвира Дмитриева (Муст),
г. Андреаполь

На снимках: одна из наших лодок
(фото из семейного архива)

• **КАБЛУКОВСКАЯ РАДУГА**

До этого года самые лучшие произведения мы почему-то представляли в сборниках, выходящих в свет под разными названиями с 2004 года. Думаю, неправильно делали. Альманах – это лицо фестиваля, даже не лицо – тело, даже не тело вовсе, а душа его. Поэтому в одиннадцатом по счёту выпуске мы собрали лучшее из присланного и созданного умами, чувствами, совестью, терпением, талантом вашим.

Владимир Львов,
литературный руководитель
фестиваля «Каблуковская
радуга», член Союза писателей
России.

«Светлячок» представляет вам лишь несколько текстов из этого Альманаха. В него вошли и два стихотворения Маргариты Петровой из Андреаполя – «Вольному псу» и «А вещи всё ещё живут...», но здесь они не представлены, так как уже публиковались в «Светлячке».

* * *

К чёрту пошлём заметённые автострады!
Бросим автомобили. Гуляй, страна!
Воздух двойной очистки (морозом и
снегопадом) –
В каждом лесу бесплатно и допьяна.

И загрустят под мягким метельным светом
И ощутят, что где-то душа жива,
Хилый подросток, отравленный
Интернетом,
Пенсионер, контуженный «Домом-2».

Жмутся друг к другу спящие свиристели.
Окна избушки грустно в снега глядят.
Разве услышат мягкий прибой метели
Те, что в Кремле, и те, кто на площадях!?...
Василий Рысенков,
г. Торжок

НАДЕ

День догорел. Ушло светило.
Багряный отсвет облаков.
А как прекрасно раньше было,
И свет струился из стихов,
Легко рождавшихся от чувства,
Переполнявшего меня!
В душе без света стало пусто.
Останься им, к себе маня,

Чтоб нежность чувств не угасала,
Светилась трепетной звездой,
И чтобы мира было мало
Любви, роднившей нас с тобой!

Иван Демидов,
г. Тверь

Восьмёрка

Бесконечность – это август. Это месяц номер
восемь.
Опрокинутые звёзды в свете яблочных планет.
Холодок целует плечи – где-то близко дышит
осень:
Подойти ещё не смеет, но барьера больше нет.
Вечер сливовый, лиловый... две луны звенят
серпами –
В тёмном небе серп небесный, а внизу речной
застыл...
Перематываю время, пересматриваю память –
Сто исписанных страничек, и на каждой...
только ты.

Я влюбилась в этот август, ничего о нём не зная,
Я опять ему позволю на словах меня ловить...
Эти сбивчивые фразы, эта исповедь ночная –
Неумелая попытка объяснения в любви.
Ирина Кучерова,
г. Торжок

* * *

Опять меняется луна!
Учёные, внимание!
Сейчас находится она
В процессе убывания –
Поубывает пару дней,
И обернётся месяцем!
Скажите, как тогда на ней
Лунатики поместятся?!

Наталья Карпова,
д. Астрцево, Московская обл.
На снимке: слушаем И. Столярова на ходу

(начало на стр. 3)

• **КАБЛУКОВСКАЯ РАДУГА**

* * *

Пришла пора седого одиночества,
задумчивой и мирной тишины.
Ни новостей, ни перемен не хочется,
но, как и прежде, хочется весны.

Пусть на душе погода морозящая,
но грозам в ней уже не бушевать.
Я знаю, что была когда-то счастлива,
так, значит, будет, что повспоминать.

Под звон капели, листопада шорохи
за днями дни мелькают. Ну и пусть.
Огней вечерних угасают всполохи,
рожая поэтическую грусть.

Рахманинова на закате слушая,
глаз не сомкну, приветствуя зарю.
И если в жизни не случится лучшего,
за то, что есть, судьбу благодарю.

Анна Сазикова,
г. Москва

Видение

Над нашим погостом и бором
Лишь галки сочувственно охнут,
Когда я, как пёс под забором,
В продрогшие сумерки сдохну.
И будет закат ярко-красным,
Как будто подкрашенный кровью,
И месяц на свод безучастно
Изогнутой выплывает бровью.
А после сквозь купол хрустальный
Проклюнутся звёзды, без дела,
Чтоб только, мерцая нахально,
Взглянуть на остывшее тело.
Наутро метель закуражит,
Сугробом мой труп напузыря,
Как будто и не было даже
Меня, непутёвого, в мире...

Борис Зверев,
д. Волосково,
Рамешковский район

Второй год подряд Сергей Крылов, известный бард 60-х, возглавляет жюри конкурса авторской песни на «Каблуковской радуге». Тексты его собственных песен и стихотворений известны многим поколениям. Это одно из них.

НА РАБОТУ

Чем нам тесней, тем меньше все мы
братья.

Автобусы железные объятя
Нам раскрывают с лязгом по утрам.
Доспим в пути – пора, мой друг, пора!
Спрессованы тела. Спрессованы
проклятья.

Куда-то мчим – дела, дела, дела...
Приятно то, что всё-таки мы братья,
Ещё приятней, если брат – сестра.

Простим себе пустые разговоры –
Пустые щи великого поста.
Ведь всё вокруг, конечно, неспроста:
Когда коробки, груженные нами,
Беспомощными нашими телами
Вдруг резко тормозят у светофора,
Не в том беда и не о том печаль,
Что кто-то слишком давит на педаль.
Беда, что обо всем мы судим скоро,
Но суть всего нам скоро не узнать,
Простим себе пустые разговоры,
Простим других – трудней всего
прощать.

Сергей Крылов,
г. Москва

(начало на стр. 3-4).

• **КАБЛУКОВСКАЯ РАДУГА**

Стихи, с которыми мы здесь знакомим читателя, помещены в Сборнике Каблуковской радуги.

* * *

Седая Ночь сменила томный вечер,
Зажгла поспешно звёзды, словно свечи.
Бумаги разложив на два стола,
Вникает в них, как в знаки на банкнотах,
Всё сводит дебет с кредитом на счётах,
Оценивает тёмные дела.

Всё тайное, что скрыто в междустрочье,
Записано в отчёт дотошной Ночью,
Урон большой в «льстецах» и
«подлецах».

И превратясь в цыганку с бубном
лунным,
Ударив по душевным тонким струнам,
Спешит смущать наивные сердца.

Ей нет помех. Но не учла седая
Людей, что ищут, путаясь, страдая,
Путь к истине уж много сотен лет –
Дежурящих в ночи чудных поэтов,
Что строки наполняют лунным светом,
Старанья тьмы стихом сводя на нет.

Маргарита Петрова,
г. Андреаполь

* * *

Скоро сирень зацветёт
В объятых душистого мая.
И лучик на землю весны упадёт,
В траве серебрясь и играя.

Мне кажется, скоро растают снега,
Ветра зашумят у оконца,
И речка вольётся в свои берега
Средь майского щедрого солнца.

Мне кажется, я повстречаю тебя,
Нам станет немного теплее,
Хоть серый туман накрывает поля,
И холодом с озера веет.

И будет цвести, улыбаясь, сирень,
Как ты улыбалась когда-то.
И снова наступит безоблачный день,
Дыша неземным ароматом.

Дмитрий Попов,
г. Москва - д. Жуково
Андреапольского района

Две беды

У неё две беды, говорят мне, пойми.
Две беды – дураки и дороги.
Эй, постойте! Россию мою, чёрт возьми,
Никогда не поймёт ум убогий.
Здесь впрягаются долго, а скачут в галоп.
Здесь блаженных святыми считают.
Если любят, то любят до боли, взахлёб.
А беда – так всем миром встречают.
Не коплю я богатства, а просто живу.
Я из радости черпаю силы.
Глубоко презираю дурную молву
И горжусь, что родилась в России.
Лишь за то, что б пройтись по росистым
лугам,
Я охотно пожертвую многим.
И меня не пугают, признаюсь я вам,
Две беды – дураки и дороги.

Нина Шандаевская,
г. Андреаполь

На верхнем снимке: семья Поповых (слева Дмитрий); внизу - знакомые все лица (поэты из Пено и Нелидово).

Фото Н. Шандаевской и П. Бобунова.

• Готовится к печати: «А у нас во дворе»

Валентин Пажетнов**Проша****РАССКАЗ**

Учёными Лаборатории физиологии и генетики поведения кафедры высшей нервной деятельности МГУ, на базе Торопецкой биологической станции «Чистый лес» проводились экспериментальные работы с различными видами птиц и млекопитающих по изучению у них первичного мышления – элементарной рассудочной деятельности. В ряд изучаемых животных попали и ежи. В эксперименте участвовало семь взрослых зверьков. Каждый

из них был специальным образом помечен и получил кличку. После окончания эксперимента, ежей выпустили на волю здесь же, на территории биостанции. Получившие волю зверьки разбежались в поисках места для своего проживания. После этого прошло две недели, в которые ежей никто не видел.

Однажды вечером, когда за столом собрались сотрудники биостанции на ужин и вечернюю беседу, профессор из Швейцарии, Ханс-Петер Липп, обнаружил у себя под ногами невесть откуда пришедшего ежа. Ёж фырчал, пытел, толкал носом башмак учёного, всем своим поведением показывая, что он хорошо знаком с человеком и желает получить чего-нибудь съестное. Ежа осмотрели и по метке определили, что пришельцем оказался один из выпущенных на волю «экспериментальных» ежей по кличке Проша. Профессор налил в ладонь сухого вина и поднёс Проше. Ёж, забавно подёргивая носиком, принюхиваясь к запаху, пододвинулся к ладошке, быстро вылакал подношение, поднял вверх остренькую мордочку, на которой чёрными горошинками блестели два любопытных глазика и фыркнул, как бы спросил: «А ещё нет?». Занятие доктора с ежом, конечно, привлекло внимание всех собравшихся. На смех и шуточные замечания в свой адрес Проша никак не прореагировал, вылакал вторую порцию вина, закусил предложенным ему кусочком сыра, развернулся и ушёл в наступающую во

двор из ближайшего леса темноту. Неожиданное появление ежа и его поведение оказались интересными для присутствующих, вызвали живое обсуждение ещё и потому, что Проша в эксперименте оказался самым сообразительным, по сравнению со своими собратьями. Забавным оказалось и его отношение к вину и «закуске» - кусочку сыра. В тот раз никто не предполагал, что Проша проявит особое внимание как к собиравшимся за столом учёным, так и к выдаваемому ему «пайку» - сухому вину и кусочку сыра. Ёж появился в следующий вечер, получил свою порцию вина, закусил кусочком сыра и, как и в первый раз, сразу после этого ушёл в лес. Регулярное появление Проши вечером у стола стало для учёных настолько обычным, привычным явлением, что случившееся его двухдневное отсутствие вызвало тревогу и разные толки. После этого, за всё лето, до самой осени, до того самого дня, когда учёные разъехались, Проша не пропустил ни одного вечера. Только часы его появления изменялись в зависимости от продолжения светового дня. Первый раз он появился у стола в 11 часов вечера и долго придерживался этого часа. Но по мере того, как время наступления сумерек сдвигалось на ранние часы, Проша оказывался у стола раньше, совмещая своё появление с наступлением темноты. Он каждый вечер приходил во двор даже в те дни, когда на стол не собирали ужин и никто за столом не сидел. Его появление непременно замечали, так как ёж своё присутствие обозначал таким шумом, на который только был способен. Он шуршал листьями, скоблил когтями ножки стола, гремел оказавшейся под столом алюминиевой миской, беспрестанно «ту-тукал»: «Тук-Тук. Тук-Тук-Тук!», перемежая это с чиханием и фырканием! Проша настойчиво требовал подачки, к которой его приучили люди – глоточек сухого вина и кусочек сыра. От другого подношения - молока, мяса, колбасы – он демонстративно отказывался и принимался шуметь всем, что попадалось ему под лапы, пище прежнего! Получив вино и сыр, Проша тут же удалялся, растворяясь в темноте затухающего дня. В самом начале осени, задолго до того, как наступили первые заморозки, ёж исчез и все подумали, что Проша попал в беду – жизнь диких зверей на воле полна опасностей. Но он появился на следующий год сразу, как только за столом начали собираться на свой традиционный ужин заехавшие на биостанцию учёные. Приходил каждый вечер и оставался верен своей привычке в получении вина и кусочка сыра. Лето прошло в регулярном общении ежа с учёными. Ещё не наступила осень, когда Проша пропал. Несколько дней ежа ожидали у стола, надеясь услышать его возню, увидеть так полюбившегося всем зверька. Проша так и не появился. А в памяти людей остались его смелость, твёрдый характер, настойчивость, которые проявлялись в упрямом стремлении в получении своего «пайка». У каждого живого существа на Земле своя судьба, со «светлой» и «тёмной» полосами. У Проши были свои «светлые» дни, которыми он щедро поделился с подкормившими его людьми, подарив им возможность общения с замечательным творением Природы – колючим лесным проказником, с весёлым характером.

• Край родной

«ЗАГАДКА ЯНТАРНОЙ РЕКИ»

(фрагменты из 2-го издания)

25 лет спустя

Второе издание—это не повторение, а дополнение прежнего. В него включено немало новых, неизвестных широкому кругу читателей, материалов, которые были собраны во время последнего нашего путешествия на исток Зап. Двины летом и осенью 2011 г.

В новом издании книги вы познакомитесь с уникальными кадрами цветных снимков истока Зап. Двины, сделанных ещё в 1910 г. личным фотографом Николая П, с находкой карты Екатерины Великой с обозначением истока великой реки, с уникальными современными спутниковыми картами района, составленными одним из участников экспедиции 2011 г., которые публикуются впервые.

В книгу включены также фотографии 1985-1986 гг., сохранившиеся в личном архиве автора и не вошедшие в первое издание.

Ну и, наконец, прочитав эту книгу, вы узнаете, сумели ли участники экспедиции осуществить свою мечту—разгадать загадку Янтарной реки.

Находка в семейном архиве

«Существуют прекрасные издания, посвящённые Волге и Днепру. Только наша Западная Двина, одна из главных исторических рек земли Русской, всё ещё остаётся в забвении». Эта фраза, приведённая в книге «Загадка Янтарной реки», принадлежит замечательному русскому краеведу и историку, автору до сих пор непревзойдённой монографии—«Река Западная Двина» (1893) Алексею Парфёновичу Сапунову (1852 – 1924). В 2013 г. исполняется 120 лет со дня её выхода.

Имя этого талантливой учёного долгое время находилось в забвении, как и многих других дореволюционных краеведов. Только в середине 1950-х годов, после публикации в белорусской газете «Витебский рабочий» статьи местного журналиста и краеведа Н.Дорофеенко (1923-1991), его жизнь и творчество начинают привлекать внимание специалистов.

После окончания в 1873 г. Петербургского университета Алексей Парфёнович переезжает в Витебск и начинает работать учителем истории в Витебской гимназии. Здесь по его инициативе открывается филиал Московского археологического института, в котором он становится первым преподавателем, а затем создаёт в городе церковно-исторический музей.

А.П.Сапунов много сделал для изучения р. Зап.Двины и Витебской губернии, и его ещё при жизни называли летописцем Витебского края. Здесь он написал свои главные краеведческие труды: «Усвят», «Список населённых мест Витебской губернии» и свою уникальную книгу «Река Западная Двина. Историко-географический обзор» (1893) — первую и пока, насколько я знаю, единственную монографию, посвящённую этой реке.

Фотография А.П.Сапунова, которую вы видите на этой странице, - это настоящая находка. Долгое время она хранилась у одного из дальних родственников Сапунова. Потом она попала к журналисту оршанской районной газеты Леониду Высоцкому, который переслал её витебскому краеведу Н. Дорофеенко с припиской: «Посылаю это фото. Может быть, оно представит интерес для Вас или областного краеведческого музея. Распорядитесь им по своему усмотрению».

Несколько лет назад, разбирая семейный архив, Нина Ивановна—жена журналиста Н.Дорофеенко вместе с сотрудниками витебского краеведческого музея обнаружили папку с надписью «Сапунов», в которой находился конверт с письмом Л.Высоцкого и ранее неизвестной фотографией А.П.Сапунова. Впервые она была опубликована в научно-популярном журнале «Віцеўскі сшытак» за 2000 г.

Теперь с ней могут познакомиться и наши читатели.

(начало на стр.7.)

На карте Тверского наместничества

Большой вклад в исследование Верхнего Подвинья и истока Зап. Двины внесли русские картографы. Мы расскажем только об одной карте—Карте Российской империи, изданной по указу Екатерины II в 1792г.

Как известно, первое упоминание о Двине содержится в нашей древней летописи «Повесть временных лет» (XI в.): «Днепр бо потече из Оковьского леса и потечеть на полдне; и Двина из того же леса потечеть, а идеть на полунощье и ввидеть в море Варяжское...». Но вплоть до конца XIX в. считалось, что Зап.Двина начинается с озера Двинец, находящегося возле д. Корякино. Хотя многие исследователи уже в то время полагали, что она берёт начало выше озера Двинец, впадая в него с севера.

Но сколько бы мы не искали подтверждения этой точки зрения как на старых, так и на новых картах, мы находили на них выше озера Двинец только безымянный ручеёк, вытекающий из расположенного выше болота.

И вот, наконец, в который раз просматривая старые картографические издания, мы обнаружили один уникальный Атлас, подготовленный ещё в 1792 г. по указу Екатерины II. Он носил весьма витиеватое название — «Российский атлас из сорока четырёх карт состоящих и на сорок наместничеств империю разделяющих», или, как его тогда называли, «Генеральная карта Российской империи». Среди 42 карт там значилась и карта Тверского наместничества с изображением населённых пунктов, дорог, рек и озёр.

На этой карте были нанесены и озеро Охват, и озеро Двинец с вьющейся на север маленькой речкой, пропадающей в болотах. На других картах она обозначалась как безымянный ручей, а тут мы вдруг натолкнулись на её название—«р. Двина» (см. фрагмент карты). Причём буква «р» и название реки было обозначено на её русле как до её впадения в озеро Двинец, так и при выходе из него (так обозначались на карте и другие реки—р. Волкота, р. Жукопа, р. Орлинка). Вот это открытие! А мы-то думали, что так никогда и не найдём в русской картографии доказательства начала Двины до её впадения в озеро Двинец. И вот случилось. Как приятно делать хоть и маленькие, но всё-таки географические открытия.

В книге имеются и другие карты, подготовленные картографом нашей экспедиции 2011 г. Егором Поповым. Это три современные оригинальные спутниковые карты с использованием навигационной системы GPS-ГЛОНАСС: карта района истока Зап. Двины; карта окрестностей истока; карта собственно истока Зап. Двины, которую вы видите на этой странице.

Насколько мы знаем, таких карт ещё не издавалось.

Фото—для Николая II

Речь пойдёт о первых цветных фотографиях района истока Зап. Двины, сделанных более 100 лет назад известным русским фотографом С.М. Прокудиным-Горским (1863-1944). Об этом мы узнали совсем недавно.

В 1910 г. в районе истока Зап.Двины вблизи д. Корякино побывал выдающийся русский фотограф С.М. Прокудин-Горский. Но он прибыл сюда не как фотограф-любитель, а по личному распоряжению самого русского царя — Николая II.

К этому времени Сергей Михайлович уже считался первым фотографом России, был изобретателем и пионером цветной фотографии, издателем, педагогом и общественным деятелем, членом императорского Русского географического общества и к тому же личным фотографом последнего русского царя - Николая II.

С.М. Прокудин-Горский происходил из дворян Владимирской губернии, окончил в 1889г. Технический институт в Санкт-Петербурге, где посещал лекции самого Менделеева. Работал во Франции вместе с братьями Люмьер, создатель и руководитель фотоцинкографической и фототехнической мастерской, первый в России приступивший к цветным фотосъёмкам. Известны его цветные фотопортреты Фёдора Шаляпина, Льва Толстого, членов царской семьи.

Как член Русского географического общества он в 1908 г. выступил инициатором создания

(начало на стр. 7-8).

«Коллекции достопримечательностей Российской империи». Это был грандиозный проект - запечатлеть в цветных фотографиях современную ему Россию, её историю, культуру, природу.

В мае 1909 г. С.М. Прокудин-Горский получил аудиенцию у Николая II, который поручил ему заснять различные стороны жизни всех областей России. Для этого фотографу был выделен специально оборудованный ж/д вагон, в котором находилась его фотолаборатория, а для съёмок водных путей России—небольшой пароход с командой и моторную лодку. Для некоторых съёмок ему даже предоставляли бывший тогда в диковинку автомобиль «Форд», а царская канцелярия снабдила

его документами, дававшими доступ во все места империи, в которых было предписано местным администрациям помогать фотографу в его путешествиях.

В 1910 г. личный фотограф Николая II посетил верховья Зап. Двины, чтобы запечатлеть для «Коллекции достопримечательностей Российской империи» её исток и окрестные места. Фотограф-путешественник побывал в деревнях Корякино, Двинец, на озере Двинец. В одном из его альбомов сохранились две поистине исторические фотографии, которым ныне исполнилось уже более 100 лет. Под одной из них, помещенной на этой странице, сохранилась его собственноручная подпись: «Место истока Западной Двины около д.Карякиной» (фото цветное).

... Сергей Михайлович после революции покинул Россию и умер в Париже в 1944 г. Ему шёл тогда 81-й год.

Часть своей коллекции (около 2300 негативов) ему удалось вывезти из России во Францию. Сейчас она хранится в библиотеке конгресса США.

Разгадаем ли тайну Янтарной реки?

Меня иногда упрекают в излишнем идеализме и романтизме. Нынешнее время вроде бы не располагает к романтике: «Ну кому интересен ваш исток, что у нас в стране нет других, более важных дел?»

А что—лучше сидеть на завалинке, критиковать во всём Москву, федеральную и местную власти, сетовать на трудности, безнадежно разводить руками и при этом сквозь распахнутое настежь окно своего деревенского дома смотреть, как среди этого сказочного природного великолепия вымирают целые деревни, а поля зарастают кустарником и лесом?

Или вслед за мышкинскими романтиками идеалистами* взяться за возрождение хотя бы этого маленького кусочка родной земли, своей малой Родины и попытаться вернуть его к жизни, сделать полезным себе и людям?

Что лучше?

Под лежащий камень, как говорится, вода не течёт. И вряд ли мы увидим фонтаны воды, бьющие из волшебного истока Зап.Двины, если уже сейчас, не откладывая дел в долгий ящик, не приложим к нему свои руки, не сохраним для потомков.

* * *

Так будет ли когда-нибудь разгадана загадка Янтарной реки?

Для нас — тех, кто побывал на истоке в 1985-1986 гг., и тех, кто участвовал в последней экспедиции 2011г., в этом уже нет ничего загадочного.

Но окончательная разгадка тайны Янтарной реки зависит не только от нас. Надо ещё убедить в этом других, надо, чтобы наконец-то к общему согласию пришли все, кто заинтересован в настоящем и будущем истока—краеведы, учёные, местные и федеральные власти, представители

(начало на стр. 7-9).

бизнеса, которые тоже, надеюсь, захотят принять участие в возрождении и обустройстве истока.

Поэтому на поставленный вопрос я бы ответил так: будет, обязательно будет, но только тогда, когда у Зап. Двины наконец-то появится настоящий хозяин.

Когда решением этого вопроса вплотную займутся федеральные и региональные власти.

Когда мы восстановим и обустроим разрушенный ныне исток и приступим к созданию в этих местах национального природно-ландшафтного парка-заповедника.

Когда на территории бывшей д. Корякино начнётся сооружение международного центра туризма совместно с белорусскими и латышскими коллегами.

Когда на острове озера Двинец будет возведена православная часовня, заложенная ещё в 2009г.

Когда исток столь знаменитой реки будет наконец-то «уважен».

Вот тогда и будет поставлена последняя точка в растянувшихся на три столетия исследованиях истока, полных надежд, разочарований, споров и открытий.

Вот тогда, наконец, и будет окончательно разгадана загадка этой таинственной и такой прекрасной реки, имя которой — Западная Двина».

Автор книги А.Попов

На снимке: освящение воды на озере Двинец
*О достижениях краеведов из ярославского городка Мышкина, превративших свою малую родину в один из центров современного туризма, рассказывается в предисловии ко второму изданию книги «Загадка Янтарной реки».

Книгу А.Попова «Загадка Янтарной реки» можно приобрести в книжных магазинах гг. Андреаполь, Зап.Двина и пос. Пено.

• Гости клуба Юрий Илюхин

г. Нелидово

Как на утренней на зорьке
По глухой степи
В час години злой и горькой,
Господи, прости!
Поднимая пыль до неба,
Мчался продотряд
(Ждёт столица много хлеба),
Строгий конный ряд.
Там вдали село большое,
Земли-чернозём.
«Не отдаст нам хлеб без боя,
Ничего, возьмём!»
Грустный месяц нос повесил:
Вновь прольётся кровь.
Неужели мир так тесен,
Где же ты, любовь?
Вот околица, а ближе
Церковь на холме.
Как сияет купол, видишь,
В золотом огне?
Ведь сегодня воскресенье,
Ладан, вкус любви,
А в домах бурчит варенье,
В печах пироги.
Под весёлый колокольный
И призывный звон
Шёл в деревню подневольный
Страшный эскадрон.
Осадив коней у прясла,
Подтянув ремни,
И сказав: «Денёк-то ясный», -
Спешились они.
А над домом дым колечком,
Запах пирогов,
Жалко скрипнуло крылечко
Под ногой воров.
И не хлеб, который с солью, -
Первака стакан,
А разгром с такою болью –
Сердце пополам.
Ни кровавые мозоли
Праведных трудов,
Ни слезинки тяжкой доли,
Ни молящих слов.
Лишь мешки летят в подводы
Сотнями с мукой:
«Ах, кулацкие вы морды,
Вам Сибирь покой».

(начало на стр. 10).

Где-то стадо промычало
Свой последний гимн,
Быстро сабельку узнало
Всем нутром своим.
С верхом полные подводы,
Запах первака,
И гармошки тульской роды,
Горьких слёз река.
Поднимая пыль до неба,
Страшный эскадрон
Покатил в столицу с хлебом
Под печальный звон.
Голопузые мальчишки
С веткой между ног
Знали это не по книжке,
Потеряв пирог.
И катились продотряды,
Проливая кровь,
И сейчас отряды рады
Появиться вновь.
Прокатиться по России,
Поднимая пыль,
Где штыком бы воскресили
Матерную быль.

Петр Бобунов

г. Нелидово

Ах, суметь бы в возрасте таком,
Став опять, как в детстве,
расторможенным,
Пробежать по лужам босиком,
Вызывая зависть меж прохожими!
Я сумел! Как здорово бежалось, и
Разлетались под ногами облака!
И прохожие, конечно же, из зависти,
Обходя меня, крутили у виска.

* * *

Жизнь – хороша,
И жить – хорошо.
Но, возникают вопросы:
Если подкову на счастье нашел,
Кто же копыта отбросил?

* * *

И комбинация из пальцев
Порой бывает даже лакомой.
Лапшу придумали китайцы,
А вешать может всяк и всякому.

«ВОТ СИЖУ Я У ОКНА...».

Зомби

Я смотрю в окно. За мутными, давно не мытыми стёклами – мутно-белёсое небо с резво бегущими по нему, похожими на клочья сахарной ваты, редкими облаками и взволнованно качающиеся из стороны в сторону верхушки елей с бледно-зелёными, напряжённо тянущимися вверх, свечками молодых побегов. Под окном толкутся комары. Они как будто чувствуют укрывшуюся от их жадных жал за холодным стеклом тёплую человеческую плоть и упорно бьются в невидимую преграду, тщетно выискивая в ней любую, самую наималейшую щель. К счастью, щелей нет – окно наглухо законопачено ещё с осени.

Щёлкает выключатель. В заоконье, над беспокойными верхушками сосен, повисает в пространстве призрачное видение квадратной комнаты с высоким потолком, белыми спинками кроватей и воинственно торчащими рядом с каждой из них пустыми стойками капельниц – палата № 8, хирургия, третий этаж.

– Мальчики, уколы!.. – румяная и жизнерадостная медсестра Анжела, ловко неся в растопыренных пальцах левой руки сразу четыре заряженных шприца, стремительно проходит по узкому проходу между высокими больничными кроватями. – Уколы, мальчики! Заголяйтесь... – вслед за Анжелой по проходу летят запахи: волнующий запах молодого горячего женского тела, приторно-сладкий запах дешёвых духов и бодрящий лекарственный запах Большой Медицины.

«Мальчики» – семидесятиррёхлетний, совершенно седой, с лицом коричневым и морщинистым, как первый весенний гриб, «аксакал» Петрович, лежащий в дальнем углу, и мы, занимающие места возле окон: примерно сорокалетний, круглоголовый очкарик Витька Захаров и только что разменявший свой шестой десяток, ваш покорный слуга – дружно переворачиваемся на живот и заголяемся, предъявляя на обозрение свои достаточно одинаковые бледные зады с голубыми туманностями старых и коричневыми созвездиями свежих укулов.

(начало на стр. 11).

– Ты это... смотри не перепутай, – опасно косясь на шприцы, уже привычно бурчит Витька, придерживая заведённой за спину рукой задранный подол рубахи.

– Не волнуйтесь, больной, не впервой, – так же привычно отвечает медсестра и всаживает иглу в дряблую ягодицу Петровича.

Петрович кряхтит. Столбик прозрачной жидкости, повинаясь давлению поршня, уходит в глубины «аксакальего» организма, в целях излечения оно от застарелого тромбофлебита.

Второй на очереди я. Мне достаётся порция мутно-белой субстанции, призванной избавить меня от дежурящей в левом боку коварной почечной колики.

Беспокойному Витьке причитаются сразу два шприца – по количеству терзающих его недугов: тяжёлой, но уже отступающей алкогольной интоксикации и опасного желудочного кровотечения.

– Легче!.. Легче, зараза!.. – ёрзает на животе Витька.

Медсестра невозмутима. Покончив с грубияном-Витькой, она распрямляется и, победоносно развевая халатом, неся в отставленной руке опустевшие шприцы, гордо покидает наш оазис скорби.

Некоторое время мы, усваивая лечебные препараты, молча потираем проспиртованными ватками пострадавшие места, а затем разом начинаем говорить и двигаться:

– М-да... – комментирую я неласковые действия медсестры и аккуратно откладываю использованную ватку на тумбочку. – Тяжёлая рука у Анжелики...

– Едри её!.. – отзывается немногословный от природы Петрович и, подумав, оставляет ватку в трусах.

– Дура! – припечатывает грубый Захаров и, подсмывнув штаны, раздражённо швыряет свою ватку на пол.

Он, вообще, всё делает резко и раздражённо: резко двигается, резко принимает решения, раздражённо, как будто во всех его болезнях виноваты врачи, разговаривает с медперсоналом.

Витька в нашей палате старожил – он здесь уже вторую неделю. В прошлый четверг он был приглашён на крестины племянника и, отнесясь к мероприятию чересчур серьёзно, был в ночь на пятницу доставлен на «скорой» в больницу, где двое суток мучительно избавлялся от «прелестей» абстинентного синдрома. («Подышал, бля...» – мрачно обозначает своё тогдашнее состояние грубый, но точный Витька). А уже воскресным вечером, едва отойдя от кровавой рвоты, Витька тихой сапой исчез из больницы и под утро был вновь доставлен «скорой» в то же отделение с теми же пугающими окружающих симптомами. На справедливые упрёки медперсонала Витька не отвечал – он стонал, скрипел зубами, пускал обильную слюну и, в конце концов, был вновь водружён на свою, не успевшую ещё забыть его длинного костлявого тела, койку возле окна... Промывания, уколы, капельницы... Понедельник и вторник Витька отходил. А в ночь на четверг всё повторилось...

Сегодня суббота. Но, похоже, продолжать свою разгульную эпопею Витька не намерен. После ухода медсестры он поворачивается на правый бок и, недовольно бормоча что-то под нос, резко натягивает на себя одеяло.

Не отличающийся разговорчивостью Петрович хмуро смотрит в неровный, со следами давнего ремонта, потолок.

Я беру с подоконника книгу и, отыскав среди страниц рецепт-закладку, углубляюсь в чтение...

Через какое-то время моё внимание привлекает ритмичный металлический скрип. Я поднимаю голову – Витька, сидя в кровати, молча и сосредоточенно раскручивает стойку своей капельницы. Разобрав незамысловатый медицинский прибор на составляющие, Витька слезает с кровати, опускается на колени и тщательно прячет детали под соседнюю пустующую койку. Поднявшись с пола, он натывается на мой недоумевающий взгляд.

– Облучают, суки! – нервно отвечает он на мой немой вопрос. – Невмоготу уже!

– Кто?! – обалдело спрашиваю я, шаря глазами по палате.

– Да вот!.. – Захаров раздражённо пинает тапочкой грудку белых трубок, ещё недавно бывших стойкой капельницы; трубки жалобно звенят. – А ты что, не чувствуешь, что ли?!

Я недоумённо трясую головой.

– А, ну да, на тебя, наверно, не попадает. Ты же – в стороне... – и, видя моё уже паническое непонимание, кивает в угол: – Да вот же!..

(начало на стр.11-12).

Я лихорадочно вскидываюсь на кровати и таращусь в указанном направлении. Ничего примечательного я в углу не нахожу. Там стоит старый покосившийся стул, и торчит из кафельной стены треснувшая у основания раковина с покрытым неряшливым известковым налётом, мерно капающим, «гусиком» крана.

– Зеркало!.. – уже начиная злиться от моей непонятливости, поясняет Витька. – Зеркало – излучатель! Стойка – приёмник! Излучение от зеркала – хоп! – показывает он руками, – на стойку и – хоп! – на больного. Что тут непонятного?! – и Витька вновь зло пинает останки капельницы.

Я изумлённо смотрю на намертво вмурованное в кафельную стену, старое, с ободранной местами до черноты амальгамой, зеркало. В голове у меня каша.

– А-а... зачем? – не нахожу я более умного вопроса и, ища поддержки перевожу взгляд на Петровича, но далёкий от всяческой суеты «аксакал» невозмутимо продолжает изучать потолок.

– Зомбирование!.. – приблизившись и понизив голос до конфиденциального, сообщает мне Витька; его глаза за стёклами очков настороженно шарят по моему лицу. – Человек заболевает – раз... – начинает загибать он нервные пальцы. – Его ложат в больницу – два. И вроде как лечат – три... – Витька машет у меня перед лицом ладошкой с тремя загнутыми пальцами. – А на самом деле... – Витька загибает оставшиеся пальцы и ладонь превращается в дулю: – Во! Его зомбируют!

– Кто?! – тревожно спрашиваю я. – Врачи?!

Витька прячет дулю в карман халата.

– Ну, врачи, я думаю, не все в курсе... – задумчиво прищуривается он. – Главврач – тот наверняка. Может быть, заведующие отделениями... А вот рядовые врачи – те вряд ли. Не тот уровень.

– Подожди, – я всё никак не могу взять в толк, – а главврачу-то это зачем?

– Да главврач он тоже... того... – Витька досадливо машет свободной рукой. – Он – мелкая сошка. Исполнитель. Всё это сверху спускают...

– Из области, что ли?

– Область она тоже... того... – Витька морщится и машет в воздухе уже двумя руками. – Она тоже – промежуточное звено. Всё из Москвы идёт!

– От правительства? – глупо спрашиваю я.

Витькин взгляд полон сарказма.

– Правительство... Как же!.. Они все там тоже зомбированные. Все министры. Включая президента... Все они у них на побегушках.

Я окончательно запутываюсь.

– Они... У них... У кого?!

– У масонов, – просто открывает мне страшную тайну Витька. – И у этих... Как их?.. У олигархов, – вспоминает он трудное слово.

– Подожди, подожди... – картина зловещего заговора начинает проясняться в моей голове. – Ну, ладно, я понимаю, где-нибудь в Москве, в кремлёвской клинике, такие излучатели ещё можно понять. Но у нас-то! В райцентре! В глубинке!..

– Чудак-человек!.. – Витька смотрит на меня с детским удивлением. – Да ты знаешь, сколько народу проходит в год через больницу?! Да почти все! А это ведь всё – избиратели!.. Как его?.. Электорат!.. А теперь прикинь, когда её строили? Лет сорок, поди, назад? Ты посмотри на зеркало – оно ведь не менялось никогда! Как при строительстве вмуровали, так до сих пор и стоит! Ты думаешь – это просто так?!.. Ты понимаешь теперь, откуда вся эта дурь в головах?! Откуда этот бардак в стране?!..

– Так что, – изумлённо вопрошаю я, – в других палатах – то же самое?!

– А как же! А как же! – Витька – тигром в клетке – мечется между спинками кроватей. – Не веришь – пойди посмотри! Я сам специально ходил! Даже в женские палаты заглядывал! Даже в гинекологию! Везде одно и то же – зеркало в углу и возле каждой кровати антенна!.. Это же – больница! Тут же все бывают! И простые люди, и руководители! Здесь же – срез общества! И все – все!! – поголовно зомбируются!

(начало на стр. 11-13).

Я свежим взглядом окидываю палату. Срез общества налицо: не то дремлющий с открытыми глазами, не то глубоко погружённый в свои мысли, Петрович – приехавший сюда из глухой деревни и, несомненно, представляющий собой кондовое, в десятом поколении, крестьянство; шагающий по палате в волнении Витька – рабочая косточка, мастер формовочного цеха фарфорового завода, без сомнения претендующий на роль гегемона; и, глядящий на него во все глаза, я – носитель высшего технического образования, бесспорно относящийся к многострадальной прослойке интеллигенции.

Витька останавливается и испытующе, в упор, смотрит на меня своими круглыми глазами. Надо что-то говорить.

– Э-э... Слушай... – пытаюсь привлечь я на помощь своё «высшее техническое». – Так там – что, к зеркалу с обратной стороны провода подходят?

Витькин взгляд делается скучающе-снисходительным. Так смотрят на слабоумных.

– Какие провода?! Ка-ки-е?! Это ведь – как в телевизоре! Как... плазма! – Витька пытается показать мне на пальцах, но, отчаявшись, машет рукой. – Да ты посмотри на рисунок! – он подбегает к зеркалу и тычет в него. – Это ведь!.. Смотри! Он же всё время меняется! Вчера вечером здесь лицо женское было, а сейчас – глянь! – деревья и машина!..

Я опасно кошусь на зеркало. Тёмные пятна облесшей амальгамы «украшают» всю поверхность «плазмы». При желании там можно разглядеть что угодно.

– Тебе ещё хорошо! – горячится Витька, его очёчки лихорадочно поблескивают. – Ты – в углу! До тебя только рикошетом долетает! А я – во! – он машет руками от зеркала по направлению к своей кровати. – Напрямую!.. Я-то думаю – чего у меня всё время голова болит?! Теперь я всё понимаю! Всё!..

– Может, она у тебя от водки болит? – опрометчиво ляпаю я и поспешно добавляю: – Или от лекарств?

Витька останавливается в проходе и несколько секунд изумлённо рассматривает меня. Под его колким взглядом я ёжусь. Окончательно убедившись, наконец, в моём слабоумии, а стало быть, и в безвредности, Витька перестаёт обращать на меня внимание и начинает суетиться, хлопая себя ладонями по пустым карманам.

– Курить хочу!.. Петрович, у тебя есть курить?!..

Петрович, не разлепляя губ, молча перекатывает голову по подушке: справа-налево и обратно.

– А-а!.. – Витька раздражённо машет рукой и выкатывается из палаты.

Мы с Петровичем молча смотрим друг на друга. Не говоря ни слова, селянин в двадцатом поколении медленно поднимает руку и крутит пальцем у виска. Мне немного легче – крестьянство на моей стороне.

Я возвращаюсь к своей книге.

Некоторое время в палате стоит тишина.

– Захаров... Захаров!.. Захаров!!.. – сначала тихо, а затем всё громче, всё истеричнее доносятся из коридора взволнованные голоса.

Дверь распахивается. На пороге стоит встрёпанная, с красными пятнами на щеках, Анжела.

– Ушёл! Захаров-то ваш опять ушёл! – лицо её пылает праведным гневом. – Вот ведь сволочь! Как был в халате и в тапочках, так и ушёл!.. Я покурить! Я на минутку! – кривляясь, передразнивает она и, добавив непечатное слово, сердито захлопывает дверь.

Мы с Петровичем вновь обмениваемся многозначительными взглядами.

– К утру опять «скорая» привезёт, – мрачно предрекаю я.

Петрович не возражает.

Взволнованные голоса постепенно стихают и на этаже вновь воцаряется умиротворяющая вечерняя идиллия.

Входит Анжела. Она уже успокоилась. Вежливо пожелав нам спокойной ночи, она выключает свет и тихо притворяет за собой дверь.

На улице ещё достаточно светло, но читать больше не хочется. Я откладываю книгу, закрываю глаза и начинаю медленно проваливаться в сон...

– Дурак он, Витька-то! – раздаётся в тишине скрипучий голос Петровича; кажется за весь день

(начало на стр. 14).

он впервые произносит больше двух слов подряд. – Глупостя всё это! Зеркала эти... мasons-фасоны... Опять же эти... лигархи... – слова Петровича неторопливы и взвешены. – Глупостя!.. Напридумавши он здесь ерунды... Сшивней нашивавши-то...

Я приподнимаюсь на кровати. Сейчас. Сейчас прозвучит исконно народная, идущая из глубин веков, от наших пращуров, от сорока поколений трудяг-землепашцев, суровая сермяжная правда. Сейчас...

– Глупостя!.. – повторяет Петрович. – И вовсе не лигархи эти людей зомбируют... – Петрович берёт паузу и многозначительно жуёт губами; я напряжённо жду. – Телевизер! – взлетает вверх длинный мосластый палец. – Через телевизор яни нас достают!..

– Кто?! – испуганно спрашиваю я.

– Инопланетяне, – запросто отвечает пахарь в пятидесятом поколении. – Кто ж ещё?... Зомбируют яни нас всех. Инопланетяне... Через спутник!

– А-а... а где ж они сами? – спрашиваю я, и сам же ощущаю всю бездну своего дремучего невежества.

Взгляд агрария строг и безмятежен:

– Как где? База у их.. в етой... Как её?... В Анкартиде. Подо льдом, – окончательно припечатывает он меня.

Я обалдело таращусь в сгустившиеся в палате сумерки.

Палец Петровича, побуравив потолок, медленно опускается на одеяло. Лукавый дехканин умиротворённо засыпает. А я, раздавленный чудовищной кондовой правдой, ещё с добрых полчаса ёрзаю на скрипучей кровати, пытаюсь восстановить утраченное напрочь душевное равновесие.

Постепенно я успокаиваюсь. За окнами шумит ветер. Из беспокойных глубин чёрных сосновых крон, блестя белой чешуёй, медленно всплывает равнодушная рыба луны.

Я откидываюсь на подушку и тихонько вздыхаю.

А что ещё, позвольте спросить, остаётся делать интеллигенции? Только вздыхать...

Владимир Юринов,

г. Андреаполь

• Байки на скамейке

МАРТИ

Н-е-е, ты зря так говоришь, что мы с природой можем сделать всё, что хочешь. Даже мы что и сделаем, то только навредим. Таких попыток было уже много-премного, но ничего хорошего из этого не получилось, да и не могло. Вот тебе пример.

Белый вдруг заорал как сумасшедший в середине ночи. Он орал каким-то горловым голосом. Мне стало немного не по себе. Он ходил из одной комнаты в другую и орал всё громче. Я посмотрел на часы – всего-навсего два. Конечно, под этот ор спать было невозможно, но каждый из членов семьи ожидал, кто встанет первым. Крик нарастал. Какой там сон, глаз невозможно было закрыть, но все делали вид, что спали, в надежде, что встанет другой. Всё-таки ночь. За окном свистит, даже воет. Снег, вьюга, оторванный телефонный провод бьёт по стенке, создавая впечатление, что кто-то лезет в дом или пытается открыть калитку.

Белый подошёл к входной двери и издал такой утробный крик, что я не выдержал, пришлось встать. В соседней комнате заворочалась жена. Она, конечно, всё слышала, но ждала, кто же первымотреагирует. Всё-таки ночь. Я выпустил Белого на улицу. Его как ветром сдуло. Вы, конечно, догадались, что Белый – это наш кот. В своё время мы нашли его в мусорном контейнере. Он был абсолютно белоснежный, ни одного пятнышка, а шерсть длинная, может быть, он даже породистый. В книжках о таких кошках написано, что это или шиншилла, или какая-то турецкая порода. Несмотря на его внешнюю привлекательность у него есть и существенный недостаток – он глух от природы. Не слышит ни своей клички, ни чего другого. Зато орёт громко. Наверное, как все слобослышашие.

Уйти-то Белый ушёл, но время от времени он приходил поесть. И всё начиналось заново. Снова мяуканье, кошачьи вопли. И так изо дня в день. Бесконечно это продолжаться не могло. Я пошёл в ветеринарную аптеку по поводу снижения половой активности нашего кота. А соседские кошки уже сидели на крыльце, зов-то у Белого был львиный. Аптекарьша дала мне какие-то таблетки, объяснила, как их надо применять.

Вот не знаю, стоит ли тебе рассказывать дальше? Я действовал по инструкции. Белый успокоился на несколько дней. Был дома, но как-то погрустнел. Но вскоре загул начался с новой силой. И интенсивность заметно увеличилась. А ты говоришь. Нет, с природой не поспоришь!

Александр Павлов,
г. Андреаполь

• Обратная связь

ОТ ЯНВАРЯ – ДО МАЯ

Это – частная переписка. Посвятить в неё наших читателей захотелось по двум причинам. Первая – Алексей Глебович фигура заметная, кандидат технических наук, разработки которого с успехом внедрялись в советское время в оборонной отрасли; кроме того, - представитель старинного дворянского рода, не одно поколение достойно служившего России; вторая и главная – он наш активный и вдумчивый читатель, имеющий своё мнение. Сознаюсь, что не всегда и не во всём мы его разделяем, как например, в отношении творчества Марининой. Детективная литература, в которой она, несомненно, преуспела, жанр, конечно же, на любителя. Но по поводу вкуса и выбора русским народом придумано множество мудрых изречений, например, такое: «Кому ситец полосатый, а кому – народ носатый». Так что, каждое мнение достойно уважения. А мнение А. Г. Яковицкого (человека глубоко верующего), к тому же, всегда оригинально, за что его и ценим.

На нашу просьбу, обнародовать выдержки из частной переписки, он ответил следующим письмом:

Что касается моей писанины, то, как говорил адмирал Краббе, «всегда пожалуйста, скрывать нам нечего, фальшивых ассигнаций не делаем».

6 июня,
раб Божий Алексей (Прихожанин)

Посмотрел номера Светлячка. На мой взгляд, весьма симпатичная газетка и без претензий. Но таковой её, на мой взгляд, делает поэтический раздел. Вызвали недоумение панегирики в адрес Марининой, извините, но, на мой взгляд, ни кожи, ни рожки, то бишь ни художественности, ни сюжета, ни философии, ну ничего абсолютно у этого «аффтара» нет. Прочитал в свое время в поезде одну книжонку, а вторую бросил. ЧТИВО.

Вызвало также неприятие суждение о деревенских жителях, которые тупо косят сено, носят его, копаются там где-то вручную. Вы знаете, я прожил всю жизнь в Москве и, приехав в Волок, не пытался учить местных жителей выращивать картошку, а сам у них учился, и вроде научился кое-чему, и очень им за это благодарен. В школе как-то составляли анкеты, где надо было указать хобби. И вот одна учительница написала, что её хобби - это её корова Марта, которую она очень любит. И я сам вижу, что это действительно так, поскольку у неё беру молоко. Большинство отметили, что любят разводить цветы, и действительно у всех прекрасные цветники и не только в палисадниках, но и в огородах. Завидую. А значит, люди любят КРАСОТУ и ради неё тратят свои силы.

Что же касается отдыха с прогулками, то я лично его не приемлю. Если надо собрать ягоду, то ухожу на целый день, чтобы закрыть этот вопрос, с грибами та же картина. Удовлетворение только оттого, что собрал, и зимой будет, чем полакомиться. Правда, я не осуждаю тех, кто любит отдыхать в безделье, или в созерцании природы, каждому свое. Но не надо осуждать и тех, у кого другие привязанности и другое восприятие мира.

раб Божий Алексей,
13 января.

После больницы был у Кириллова. Он мне дал последний номер Светлячка (последнее время что-то забыл его просматривать). Прочёл его с удовольствием, но затосковал очень. Возникла ностальгия по прежним временам, когда можно было днём отдаться работе, которая имела смысл, а вечером почитать хорошую литературу, вроде вашего Светлячка. Тоска, словом.

19 мая,
р. Б. Алексей